

Офицерский
Честно имя
роман

Аркадий
Стругацкий

Остров Надежды

Аркадий Алексеевич Первенцев
Остров Надежды
Серия «Офицерский
роман. Честь имею»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8060892

*А. А. Первенцев. Остров Надежды: Краснодарское книжное
издательство; 2017
ISBN 978-5-4444-9140-9*

Аннотация

Роман известного советского писателя Аркадия Алексеевича Первенцева (1905–1981) посвящен трудным будням отважных моряков-подводников, надежно охраняющих северные рубежи нашей Родины. Островом Надежды автор называет мужественный, отлично владеющий новейшей техникой экипаж атомной подводной лодки, которая совершила кругосветный поход под водами и льдами многих морей и океанов.

Содержание

Часть первая

5

Конец ознакомительного фрагмента.

54

Аркадий Первенцев

Остров Надежды

© Первенцев А. А., наследники., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

* * *

Часть первая

1

В семь вечера, да, ровно в семь – по электрическим часам на белом столбе – Дмитрий Ильич Ушаков с трудом добрался на свою «милую московскую окраину». Издалека он увидел неокрепший массив по улице Гарибальди и трусцой направился к одному из высоких и узких домов, будто предназначенных для основания будущего монумента великому итальянцу.

С полудня температура резко упала. Снизившиеся облака принесли много сухого, сыпучего снега. Закрутили метелицы по столичным улицам, разрумянили щеки прохожих, вызвали тот прилив энергии, который приносит мороз истинно русскому человеку.

Дмитрий Ильич миновал заледеневшие глинистые холмы и строительный мусор, очутился в затишке у лифта. Озябший, успокоенный, нажал кнопку своего этажа. Тихо задрезжал лифт. Впереди – теплая комната, ужин или обед, называй как хочешь вечернюю трапезу, а перед едой стакан кагора, убивающий простуду, а еще раньше – горячий душ.

Позади – мелкие неприятности по работе, уколы самолю-

бия, даже метель позади, хотя сложенное из бетонных плит здание стоит на четырех сквозняках.

С крошечной прихожей начинался уют. Тесно, чуть повернуться – гопак не попляшешь, а – хорошо. Скунсовая шубка Зои на месте и сапожки: вернулась. Из кухоньки выглянула Тоня, жена, поспешно отвязала фартук, встретила мужа, спросила о погоде и заторопилась к своему посту у четырех конфорок.

Дмитрий Ильич привык к положению среднего человека – к более или менее твердой зарплате, небольшим приработкам от гонорара, к общественному транспорту, ко всему тому, что не отделяло его от остальных соотечественников. Раньше были мечты, порывы, желание если не выпрыгнуть, то выйти вперед, а потом все улеглось, вошло в норму – «спокойней жить не лучше и не хуже других». К сорока двум годам выработались стойкие привычки.

Дочка устроилась на диване, закуталась в малиновый шерстяной шарф и, привалившись к валику, читала французский роман с твердыми глянцевиными страницами, хранившими заурядные подробности сложной семейной жизни – измены, неверности, фальшивые чувства и вспышки давно, казалось, забытых, старомодных страстей.

– Извини, папа, забралась сюда, – лениво разжимая губы, сказала Зоя и, не меняя положения, потянулась к отцу.

– Сиди-сиди! – Дмитрий Ильич поцеловал дочь в прическу. – В твоей комнате ужасно дует. Действительно, ласточку.

кино гнездо! Ты чем-то расстроена?

Она отрицательно качнула головой и сказала:

– Если ты вздумаешь сегодня работать, я перейду к себе. – Поправила волосы, указала глазами на оставленную ею на столе коричневую «общую тетрадь». – Почитай на свободе, папа. Может быть, что пригодится из наших каракуль.

– Из ваших? – Отец не без любопытства взял тетрадь, раскрыл ее. – Кто же второй?

– Юрий Петрович, – спокойно сказала Зоя. – Кстати, я получила сегодня от него странное письмо.

– Где оно?

– У мамы.

– Ну что ж, вполне нормально, – буркнул отец, – молодой мужчина переписывается с юной девицей. Только если маме отдается письмо мужчины...

– Оставь, папа, – Зоя недовольно поморщилась. – Ты хотел принять душ?..

Ни горячий душ, ни кагор не согрели его. Ужин еще не поспел. Судя по запахам, жена затеяла что-то из теста. Стакан крепкого чая был бы кстати. Самому идти на кухню лень и противно. Дочка не догадается. Еще бы, французский роман...

Оставалось разложить свои записки, упереться локтями в столик-модерн, чтобы меньше шатался на своих нетвердых, хилых ножках, и приняться все за тот же каторжный труд. Безжалостно раскритикованный очерк неожиданно по-

пал в точку – приближалась памятная дата. Редактор вызвал Дмитрия Ильича, обласкал, угостил чаем (ах, этот чай, стаканшек бы такого!) и попросил «нажать к сроку». Как сладкая музыка, прозвучали его слова: «Даю вам три творческих дня. Сюда ни ногой! Но чтоб... понятно?»

Всяческая цифирь в блокноте помогла укрепить героя, довести до кондиции, то есть засушить его. Редактор отдела посоветовал «поэффектней и повнушительней доказать государственные выгоды от примерного в труде поведения рабочего». Невразумительные требования подкреплялись многозначительными «углубить», «уточнить», «подвинтить шурупы образа».

Положение усложнялось. Отысканный герой был выбран бригадиром прямым, открытым голосованием. Бравая, развеселая бригада подводила в трескучие сибирские морозы подъездные пути к ударной домне. Молодежная стройка кипела от переполнения сил. В передовики не проталкивались, а выходили по праву. В пух и прах можно было разнести любого скептика, ищущего червоточины в здоровом древе.

Ероша густые седеющие кудри, Дмитрий Ильич выворачивал себя наизнанку. А герой терзал воблу крепкими зубами, глотал жигулевское пиво с приличным для студенческого климата «прицепом», парился в самосрубе-баньке можжевельником.

«Мы рванули, и вы не жмитесь, начальники!»

«Куда такое годно? Хищничество!»

Ветку подъездную зато пришили к мерзлой земле (отогре-ли, оттаяли кострами) на месяц раньше срока. Хлеб в кармане замерзал в камень. Гайкухватишь – прилипает словно к магниту, хоть с кожей отдирай. Бригадиру двадцать три. В Брянских лесах не был, немецкие составы толком не рвал, в чистом искусстве не мастак, французские романы не читает, а принял эстафету от старшего поколения, надежно зажал жезл в крепкой, умелой руке. Таким и предъявит его читателю, и редактора убедит, только бы найти достойное слово, без излишних премудростей. Впереди три творческих дня...

Дмитрий Ильич черкал по написанному, с досадой рвал бумагу на мелкие кусочки. Газетный очерк забирался под его крышу. История далекого сибирского бригадира перемежалась с судьбой близкого человека. Люди имели кров и пищу, одежду и зрелища – мало! Не только бытие питало дух молодого поколения. Оно томилось другим, его поиски не ограничивались алмазными кладами и бурением нефтескважин. Одни вооружали себя знаниями и опытом, чтобы упрочить государство отцов. А иные привыкли лишь пользоваться благами и требовали новых.

К счастью, его дочь не принадлежала к этому второму полюсу. В свои девятнадцать лет она выработала иммунитет ко многим сейсмическим колебаниям.

«Странное письмо Лезгинцева» не выходило из головы. Уральскому бригадиру все ясно. Оттанцовывает в общежитии под две гармошки. Скрипят, гнутся доски под сапога-

ми. Комендант в полушубке лущит тыквенные семечки, присланные сыном с Украины. Девчата с пунцовыми щеками, в полусапожках. Редколлегия клеит стенновку.

Повернутый к быту материал округлялся в шаблонные формы. Кому дело до тыквенных семечек и вульгарных гармошек? Еще тальянками их назови. Герои теперь пьют коктейли, ходят на скрипичные концерты, увлекаются модными поэтами или же безнадежно прозябают в диких захолустьях... Порыв иссяк. Заломило в висках. Проще всего сложить бумаги – утро вечера мудренее.

Зоя облегченно вздохнула:

– Правильно решил, папа. Отдохни.

– За меня никто не сделает.

Зоя заложила страницу, нащупала ногами туфли.

У дочери были свои достоинства, их накопилось достаточно, чтобы не обвинить ее в эгоизме. У нее ровный характер, но твердый до упрямства. Мать одобряла: «Пусть хоть она не будет такой растяпой, как я...» Зоя великодушно смирялась с родительскими нападками. Что и говорить, домашняя работа ее тяготила, зато она самоотверженно «трудилась для общества».

У нее значились нагрузки по институту, комсомолу, по культсвязям с представителями раскрепощенных наций. Она мечтала о странах французского языка. Париж! Да, ей хотелось в Париж. От Марокко или Алжира не отказалась бы. Объездивший полмира отец не стремился отпра-

вить своего Синдбада-путешественника в дальние плавания – «учись, заканчивай, а там...»

Не так давно стайкой налетали девчонки, сверстницы. После совершеннолетия подруг стало меньше, щебет превратился в шепот, порывистость – в сдержанность. Родители нимало не интересовали. Мир открытий перекочевал в другие места. Дмитрий Ильич не винил дочь – так было, так будет, хотя его отцовские чувства подвергались жестоким испытаниям.

Как и положено отцу, он мог простить Зое многое. Он особенно ярко запомнил ее ребенком, сохранил запахи ее детства, ее лепет, привычки; с послевоенных времен сберег амулет – крохотную куколку, сопровождавшую его во всех поездках. Куколка эта побывала в Китае и Корее, во Вьетнаме и Ираке, в Исландии и на Кубе, в Мексике и Америке. Она могла рассказать очень много, но, странствуя без виз и билетов, приучилась молчать.

Последнее путешествие куколки – на борту атомной подводной лодки «Касатка», как ее окрестили независимо от штабных документов: операция «Норд».

Лезгинцев был на «Касатке», затем его направили в Ленинград, вероятно, повышать квалификацию или еще за чем-то – вопросы не всегда уместны. Оттуда Лезгинцев приезжал к ним погостить, познакомился с Зоей. Хотя первая встреча произошла несколько раньше. Фото семнадцатилетней Зои отец повесил на переборке каюты. В конце плава-

ния Лезгинцев попросил Зоину фотокарточку. Покидая каюту после возвращения на базу, он снял ее с переборки и положил в блокнот.

– Все же что в том письме?

– Лучше тебе самому прочитать, – строго ответила Зоя.

– Мать не спешит...

– Спешить некуда, – в том же тоне произнесла она. – Зачем ты отдал Юрию мою карточку?

– Откуда ты знаешь?

– Он прислал мне ее...

Записки о походе «Касатки» пока оставались без движения. Время не подоспело. Репортаж не устраивал и самого Дмитрия Ильича, и тем более – читателей. Первый кругосветный поход дался ему трудно, поэтому не имело смысла легко разбазаривать впечатления.

Зоя успела незаметно выйти на кухню, там перекусить, одеться. На безмолвный, удивленный вопрос отца сказала:

– Мне нужно в одно место. – Помедлила, решительно добавила: – Я обещала!

Кому обещала, куда ушла? Дмитрий Ильич сложил исписанные страницы, придавил ладонью, задумался.

Свистел ветер. Снег сухо сползал по стеклам. Низко, будто в горной долине, сверкали огни города. Жена остановилась у порога.

– Ты уже не работаешь?

– Что-то голова трещит, – Дмитрий Ильич потер лоб, –

ничего сообразить не могу.

– Вчера я не успела тебе сказать – кофточку удачную приносили, решила Зоеньке. Дня три обещали подождать.

Один из приятелей Дмитрия Ильича, отбарабанивший два года в Бомбее, рекомендовал в случаях финансовых затруднений дышать по таблице йогов.

– Очень нужна кофточка?

– Женщине всегда и многое нужно. – Жена подождала, пока он уберет бумаги, набросила скатерку, расправила ее.

Дмитрию Ильичу не терпелось выяснить до возвращения Зои все скрытые от него обстоятельства. Пока не поздно, можно предпринять меры.

Жена первая не начинала разговора, хотя сама томилась. С годами супружеской жизни они становились ближе друг другу. Острее чувствовали необходимость во взаимной поддержке. Увлечения молодости ушли, и бесы все реже толкали в ребро. Ни он, ни она не записались еще в старики, а все же самое беспокойное уже отшумело, и можно верить – пойдут и дальше рядом, чуть-чуть тише, грустнее, без прежнего озорства.

Прислушиваясь к разбушевавшейся непогоде, Дмитрий Ильич наблюдал за женой. Откуда появились у нее эти степенные движения, размеренная поступь, накрепко сложенные губы? Ее глаза вечно озабочены. Не разборонить, не заровнять бороздки на лбу и у рта. Немного видела она радостей, а больше – изнурительных повседневных забот о супе

и котлетах, все о том же куске хлеба.

Квартиру получили недавно, после долгих мытарств. Прежняя комната была оставлена без сожаления, хотя имела высокие потолки и широкое, во всю стену, итальянское окно, источник сырости и простуд. Там начиналась их семейная жизнь, там родилась дочь, оттуда вынесли в белом гробу, по-кержацки, строгую мать жены.

В новом жилье они были рады всему: своей кухоньке, прихожей, двум комнатам, отдельному ходу. Дочь оставалась равнодушной к родительским переполнениям чувств. К своей комнатке она быстро привыкла, на первых порах повосторгалась подмосковным ландшафтом, открывавшимся из ее окна с высоты голубинового полета.

– Если не возражаешь, жена, разрешим сегодня по чарке, – предложил Дмитрий Ильич с заискивающим выражением на чуточку повеселевшем лице – кагор не произвел впечатления, не сумел добраться до жил.

– Ты бы смерил температуру. Не простудился ли.

– Термометр – признак болезни.

– Хорошо. Я водку подам...

– Если не ошибаюсь, у нас задержались в резерве главного командования грибки и огурчики?

Как и многие мужчины в преддверии стопки, Дмитрий Ильич называл закуски уменьшительными именами.

«Надо жить легче, щадить семью. Меньше деспотизма. Не приносить с собой мрак. Сомнительные объяснения по пись-

му не затевать. Все само собой образуется». Возникали умиротворяющие мысли. И тут совершенно некстати – телефонный звонок. Лучше не подходить. Он сделал выразительный жест: «Покой так покой, огурчик так огурчик».

– Неудобно, – сказала жена. Для нее телефон был окном в мир, и она без всякого предубеждения относилась к этому бичу нервной системы. – Может звонить Зоя...

Через минуту сухой ее голос размягчился, в нем заиграли живые и, пожалуй, кокетливые нотки:

– Дома, конечно, дома, Лев Михайлович! Он рядом... вырывает трубку. – Подозвала глазами мужа: – Бударин.

Дмитрий Ильич весело поприветствовал дружески расположенного к нему вице-адмирала Бударина, продолжавшего с прежним комсомольским жаром заниматься делами прогрессирующего подводного флота.

Игривый тон, обычно сопровождавший общение с неунывающим, проперченным прибаутками и моряцким жаргоном адмиралом, быстро погас. Дмитрий Ильич перехватил трубку в левую руку, присел у тумбочки, по привычке шелкнул шариковой ручкой.

– Невероятно... Лезгинцев?

– Что случилось? Что-то с Лезгинцевым? – Жена присела рядом, почуяв недоброе, но, кроме густого рокота бударинского баса, ничего уловить не могла. – Я так и знала... так и знала...

– Что ты знала? – Дмитрий Ильич положил трубку. – Где

письмо?

– Вот оно. – Она проследила за тем, как муж осмотрел конверт и вытащил клочок бумаги и фотографию Зои.

– «Зоя! Прости и прощай. Юрий». – Дмитрий Ильич перечитал запрыгавшие буквы, обратился к жене: – Где она?

– Ушла позвонить... в Ленинград.

– Письмо из-под Ленинграда. Кому она будет звонить?

– Подруге. – Попросила сдавленным голосом: – Пожалуйста, принеси мне воды. – Отпив два глотка, сказала мягко: – Митя, нам надо быть вместе... душой. В такой момент нельзя иначе... Нам никто другой не поможет. – И твердо спросила: – Он... умер?

– Да. – Он быстро допил остаток воды. Его голос звучал глухо, будто через стенку: – Вернее, погиб. Его нашли возле железной дороги вчера, в снегу. Девятнадцатый километр...

– Несчастный случай?

– Неизвестно. Во всяком случае, ужасно. Молодой, энергичный – и такая нелепица... – Дмитрий Ильич перечитал письмо, жестко предупредил: – Только не занимайтесь болтовней.

На площадке остановился лифт. Захлопали двери. Шумная компания проследовала в соседнюю квартиру.

Жена подождала, пока там затихнет.

– Бывало, и Юрий Петрович, помнишь, соберет целую ватагу...

– Один раз и было, – остановил ее Дмитрий Ильич, – его-

то нельзя упрекать. Хотя лучше водил бы хороводы. О письме, еще раз прошу, молчите.

– Что я, враг своей дочери?

– Как все обернулось! – Дмитрий Ильич спрятал письмо в коричневую тетрадь. – Ты интересовалась? – взглядом показал он на тетрадь. – Мне вручила ее доченька.

– Интересовалась.

– Что здесь?

– Сам считаешь. Фанты.

– Фанты? – ему стало жаль жену. Она сидела понурившись, в глубоком раздумье. Скатила слеза по щеке. – Не переживай... Тоня. Хотя письмо явного самоубийцы, но, возможно, чужая рука.

– Враги, что ли? – Она отмахнулась. – Только им и делов...

– Лезгинцев был неуравновешенным человеком. Особенно последнее время. Товарищи за ним замечали. У него сидела в башке какая-то чертовщина... – Раздражение его усилилось.

– Не надо так, Митя. Если и сидело, то только одно. Он жаловался на голову. Пилюли ему не помогали. Глотал что-то свое – не помогало. Чуть что: «Антонина Сергеевна, ужасно болит голова...» – Жена поднялась, строгая, не улыбкающая, иногда она становилась кержачкой. – Голова могла довести до чего угодно. У меня дед сгорел головой. А какой был мужчина! На медведя с ножом... Первую звериную кровь пил.

А ваши подводные лодки... Если от газовой горелки можно помереть...

Бударин еще раз позвонил. Он вылетал в Ленинград в составе специальной комиссии, утвержденной главкомом. Факт посылки комиссии о многом говорил.

– Татьяна держится молодцом, – сообщил Бударин. – Причины гибели неясны. Если решите отдать последний долг – с крыши не беспокойтесь. Забронируем в «Астории»... Нет-нет, хотя и зима, с гостиницами по-прежнему туго. Финны наплывом, пушной аукцион, медики симпозируют...

Молча накрывали на стол. Что-то до конца не выясненное мешало им поступать, как обычно. Чужое горе не миновало их семью. Хотя вряд ли гибель Лезгинцева можно было назвать чужим горем. В кругосветном походе на «Касатке» Дмитрий Ильич несколько недель провел в одной каюте с командиром электромеханической боевой части инженер-капитаном третьего ранга Юрием Петровичем Лезгинцевым. Морское товарищество закрепилось на суше.

– Я бы советовала тебе выехать в Ленинград, – сказала жена за столом. – Юрий Петрович для нас не случайный знакомый.

– Поездка сопряжена со многим... – Дмитрий Ильич с маху выпил вторую рюмку, поймал грибок.

– Если остановка за деньгами, я найду, – продолжала она.

– Где?

– Костюм я так и не сумела купить. Не было моего разме-

ра. Если не хватит, у кого-нибудь одолжишь. У того же Бударина. А поехать надо, Митя.

После водки по телу разлилась приятная истома. Мысли потекли спокойней, благостней.

– Право, не знаю. Буду ли к месту? Если Татьяна держится... Ты сама понимаешь, следствие неизбежно. Вынырнешь ни к селу ни к городу. У них свои дела. У военных. Надо учесть специфику. Лезгинцев не просто офицер...

– Юрий Петрович прежде всего твой товарищ. При чем тут следствие? Ты приедешь проститься с покойным, отдать свой долг. И специфика не имеет значения для тебя. У нас как-то странно повелось. Забыли многое... Умер человек – ну и что ж... Какое-то безразличие... Нет на вас кнута! Поразительное, постыдное равнодушие...

Ну, если уж уралка возьмется, берегись! Пока нет причин – и тихая, и смиренная, и будто бы незаметная, а подогрей, доведи до белого каления – спуску не даст.

– Не надо, – попросил он, – уредила.

– Я тебя соберу.

– Только самое необходимое, – попросил Дмитрий Ильич. – Хотя не беспокойся. Возьму свой журналистский чемоданчик – и все.

– Когда похороны?

– Бударин сказал – завтра. Тело привезут в Матросский клуб, на площадь Труда.

– Подумать только... тело привезут. – Антонина Сергеев-

на кончиком косынки промокнула глаза. – Ты письмо захватишь с собой?

– Какое? – Дмитрий Ильич встрепенулся. – Его письмо?

– Да.

– Зачем?

– Будет следствие. Может быть, поможет что-то выяснить... – Она говорила невнятно, будто в полузабытьи.

За ужином Антонина Сергеевна не притронулась ни к чему. Ее состояние и пугало и раздражало мужа.

– Тебе обязательно хочется втянуть в эту историю нашу дочь? – спросил он резко. – Вы, женщины, дальше своего носа ничего не видите. Теперь не знаю, не уверен, нужно ли мне туда...

Требовательно зазвонила междугородная. На проводе – Ленинград. Татьяна Федоровна требовала приехать. «Приезжайте, расхлебывайте», – звучало угрозой.

– Лезгинцева? – догадалась жена. – Что она?

– Ничего особенного. – Дмитрий Ильич покорно снес тяжелый подозрительный взгляд. – Просила обязательно приехать. Успею на «Стрелу». Зое ничего не говори.

– Почему? Зоя дружила с Юрием Петровичем.

– Ну и что, если дружила?! – он взорвался. – Мало ли чего! Что же теперь, афишировать, идти за гробом второй вдовой? Поразительно, как ты рассуждаешь. Если бы ты знала, что та сказала... – Он осекся, но было поздно, пришлось выдержать стремительную атаку и, сдавшись, все рассказать.

– Расхлебывайте? – беспомощно повторила жена.

– Пусть Зоя все забудет! Да и забывать нечего. Мало ли дружат, расстаются, потом и не вспоминают... – Его жестокие слова убийственно действовали на жену, вызывали у нее внутренний отпор, заставляли сложней мыслить и болезненней ощущать обиду.

– Они любили друг друга, – выдавила она сквозь стиснутые зубы, – хотя он был болен, страдал и, если отбросить всякие тонкости, был безнадежен.

– Тем более...

– Что тем более? – она не дала ему закончить. – Зоя страдает. Пойми, ей девятнадцать. В эти годы многое смещается, на многое смотрят по-другому. Возможно, здорового бы она не любила, не привыкла бы к нему, не жалела... Его не вернешь, но мы обязаны сохранить свою дочь...

2

Улица Гарибальди жила совсем не при италийской погоде. Сухая метель гуляла всюду, клубилась возле фонарей, догоняла автобусы, подталкивала озябших, закутанных по брови пешеходов. Спасительный зеленый фонарик мелькнул из-за угла как нельзя кстати. Пожилой шофер довез Дмитрия Ильича до вокзала, а расторопная кассирша, отказав в жестком, вручила билет в мягкий вагон.

Молодой смешливый проводник в новенькой шинели

щелкнул замочком в купе, пожелал счастливого пути и удалился с обещанием после отхода поезда принести особой заварки чай.

Чутьочку отдышавшись, Дмитрий Ильич вышел на платформу, понаблюдал скучающим, безразличным взглядом, как бесшумно заполнялись вагоны, плыл угарный дымок к овальному потолку дебаркадеров, посапывала тормозная компрессия...

У одного из вагонов никак не могла разлучиться молодая парочка. К затяжным поцелуям прислушивались проводники, а плечистый носильщик с бурым лицом даже крякнул от зависти.

Привычная обстановка вокзала вернула мысли Дмитрия Ильича в ровное русло, смягчился их скачущий ритм. Жизнь продолжалась, и многое представлялось проще. Так и он когда-то исчезнет, а парочки будут целоваться на перроне, будут поезда, поземка, фонари, носильщики...

Давно ли отсюда провожали Лезгинцева! Пили шампанское, ели апельсины... Был неунывающий Бударин, еще моряки, все молодые, мускулистые, растущие, как вербовник у хорошего водоема... Чего лучше – подводники, атомники, авангард современного флота.

За несколько минут до отправления Лезгинцев куда-то исчез. Вернулся запыхавшийся, с красной гвоздикой. Церемонно вручил ее Зое. Лезгинцеву аплодировали, затем наспех обнимались. Он прыгнул на ходу, повис на поручнях.

Остался в памяти с высоко поднятой фуражкой... Последний раз сверкнула звездочка на кителе – и все...

Страшное, неумолимое всё. «В каждом расставании есть привкус смерти». Нелепо прозвучавший афоризм произнес один из провожавших, журналист. Теперь красное словцо звучало пророчески. Никуда не уйти от Лезгинцева. Впервые подавливало сердце. Дмитрий Ильич глубоко вздохнул. На здоровье он не жаловался и никаких сердечных средств с собой не носил. Следует выбросить лишние мысли из головы, не расстраиваться, в пути подумать что к чему, расценить обстановку без паники и предубеждения.

– Папа! – раздалось позади него.

Дмитрий Ильич вздрогнул, резко обернулся. Лицом к лицу – Зоя. Решительная, разгоряченная, в распахнутой шубке, с замшевой сумкой на наплечном ремне.

– Зачем ты приехала? Не люблю проводов.

– Папа, ты извини... – она недолго колебалась, – я тоже еду.

– Едешь? Куда?

– В Ленинград.

– Что ты там будешь делать?

– С тобой...

На него глядели в упор ее глаза, не только просящие – требовательные.

– Остается три минуты до отхода. Ты думаешь, я побегу за билетом?

– Не беспокойся. – Зоя отвернула перчатку, показала билет.

– Никуда ты не поедешь! Немедленно домой!

– Ты несправедлив, папа.

– Поговорим после.

– К тому же ты жесток... – Она добавила враждебно: – Как ты можешь писать о чужих чувствах, если не умеешь понять свою дочь?!

Проводник сердито предупредил:

– Гражданин пассажир, прошу в вагон!

– Неужели ты откажешь мне в праве проститься с ним?

– Домой! – выкрикнул Дмитрий Ильич, цепляя ногой убежавшую подножку.

3

Сняв пиджак, Дмитрий Ильич уселся у столика в глубоком раздумье. Зачем накричал на девчонку? Не разобрался и прогнал. В самом деле, что дурного в ее порыве? Она захотела проститься с человеком, ей не безразличным. Жестокый? Да! Несправедливый? Да!

Она всегда охотно подчинялась. Непослушание возникает на почве недоверия. Зависимость еще не дает права на гнет. Надолго ли хватит просто отцовских прав? Зоя уже не ребенок, пора понять и перестроить себя в отношениях с ней. Она ему не доверяет, не делится почти ничем. С матерью

тоже все реже и реже. Дочь переходит в тот мир, где влияние посторонних может оказаться сильнее: они безответственной. Нет, это всего лишь утешение, а не способ понять, разобраться, добиться, настоять на том не как есть и как хочется, а как должно быть.

Ему не стоило труда быть отцом ребенка, ему совсем не удается быть отцом взрослой дочери. Первое осиливается легче, на второе нужен опыт, зрелость, такт, время и еще многое, многое.

Стоило ли ей увлекать семейного человека? Подобного коварства даже в самой ничтожной дозе не могло быть у Зои. Зато у нее есть другое – невероятная сила, молодость.

«Ты гляди у меня, Юрий Петрович, не желаю быть твоим тестем». И в ответ на шутку: «Эх, Дмитрий Ильич, мечтал бы... Повернул бы круто по другому курсу. Только не монтируются такие агрегаты – Зоя и ваш покорный слуга. Смешно, а главное – поздно».

Почему у него было такое желтое лицо? Даже природная смуглость не могла скрыть желтизны. «Ужасно болит голова...» Когда-то, вспоминают современники, такую же фразу произносил Рузвельт. Президент находился на борту крейсера. Где? В районе Африки. «Ужасно болит голова...» «Касатка» возвращалась вдоль западного побережья Африки.

В коридоре не слышно ни шагов, ни голосов. Проводник принял билет, принес чай, обещал разбудить.

Дмитрий Ильич не собирался спать. Прильнув лбом к

стеклу, он видел огни московских окраин, слышал тягучий посвист ветра у обледеневшего окна. Представил: Зоя еще не успела добраться домой, озябла, шуба у нее нараспашку.

Дмитрий Ильич отхлебнул из стакана: чай действительно горячий и крепкий. Погрыз сухарь. Дурные мысли продолжали сверлить мозг. Почти машинально он прихватил тетрадку. Что же в ней? «Может быть, что пригодится из наших каракуль?» В чем смысл ее слов? Дети не берегут родителей. Сунула ему тетрадь, выпалила несколько загадочных слов, крутнулась на каблучках.

На первой странице формула первичного познания закона Кулона. Ниже: «Допустим, в планетной системе важны силы тяготения, в атоме – электрические (кулоновские) силы, а в жизни?»

«В жизни – силы любви» (почерк Лезгинцева).

«Любовь начинается с поцелуев. Вы принципиально избегаете их? – З.»

Дальше зачеркнуто семь строк, и рукой Лезгинцева каллиграфически, неторопливо выписана откуда-то цитата:

«Полстолетия тому назад, когда я умирал глубоким стариком, правительство включило меня в “список молодости”. Попастъ туда можно было только за чрезвычайные заслуги, оказанные народу. Мне было сделано полное “омоложение” по новейшей системе: меня заморозили в камере, наполненной азотом, и подвергли действию сильных магнитных токов, изменяющих самое молекулярное строение тела. Затем

вся внутренняя секреция была освежена пересадкой обезьяньих желез».

«И вы сумели сохраниться человеком? – З.»

Фанты стойко продвигались в определенном направлении.

Сомнений не оставалось. «Король параметров» либо влюбился до зеленого ужаса, либо дурачил девчонку.

По-прежнему четко, старательно, как на экзамене по от-лично знакомому предмету, выписывались «три градаций любви». Градация – его терминология. Ну и что же, соблазнитель?

«1. Влюбленность, духовный и физический подъем, пелена на глазах и открытые чувства, способность к неразумным поступкам, познание красоты, жажда обладания».

Ишь ты, Юрий Петрович! Все будто прилично, а под конец не удержался, завернул. Отцовское чувство самообороны поднялось, не отпускало.

Вагон поматывало сильнее. По-видимому, путь шел под уклон. Снаружи металась вьюга, как и при раскольниках, как и над кортежем Федора Иоанновича или санями опальных вельмож. Казалось, поднималась российская тоска, размахивала седыми бородами и топорами, наточенными на валунах, натасканных сюда на спинах древних ледников.

Не знал, Юрий Петрович, за тобой такой образованности в побочной науке. Крутил шарики, разыгрывал ухажера, обводил вокруг пальца отца с матерью. Теперь – «приезжайте,

расхлебывайте».

«2. Ровная пора, удовлетворенность, покой, чувства без вспышек, взаимное довольство и осторожность к другим, способным нарушить покой.

3. Привычка, стабильное взаимное понимание, взаимная выручка, забота друг о друге, уважение, угасшие страсти».

В коридоре появилась шумная буфетчица. Осведомившись у проводника, постучалась. Дмитрий Ильич закрыл тетрадку. Девушка откатила дверь, задержала ее полной коленкой, обтянутой тонким узорным чулком. Сквозь чулок просвечивалась розовая с холода кожа.

– Вы, кажется, сказали «да-да»? – Глаза устало-бесоватые, удлинённые тушью, на щеке капли от размокших ресниц. Платок завязан у шеи двумя узлами. – Коньячок полтора ста, бутерброд с зернистой. По вашей комплекции парочку?..

– Коньяк уберите. Один бутерброд – и все!

– Пожалуйста, пожалуйста! Обратно буду возвращаться, надеюсь, вас подтолкнет аппетит.

Она исчезла, молодая, здоровая, по-своему беззаботная, притворно веселая. Сколько ей? Ну, пусть года на два старше Зои...

Поезд проносился через большую станцию. Будто в фосфоресцирующем море разбегались огни и скрывались в кильватерном снежном вихре по гулким, намороженным рельсам.

Последний выкрик сирены. Дисгармоническая гамма зву-

ков. Тревожно и угрожающе, словно ревун на атомной лодке. Когда? Проходили полюс подо льдами. Командир объявил «радиационную опасность». Металлический спокойный голос командира до сих пор стоит в ушах. Лезгинцев? Ни один мускул не дрогнул на его смуглом лице. Он исчез и появился в каюте невероятно уставший. Грыз яблоко, шевелились желваки, капля сока упала на колено...

Второй раз? В Атлантическом. На траверзе острова Святой Елены. Теперь уж не учебная тревога. Яблок давно не было. Лезгинцев вернулся через два часа, свалился на койку.

А здесь, на земле?

«Если любовь обернулась равнодушием, произошла ошибка, наступило разочарование, вспышки гнева сменяют вспышки чувств, тогда: что? Тяга к внешнему миру. Выход из круга. Поиски потерянного... – писал Лезгинцев. – Если женщина не отыщет в себе дополнительной силы или попытается удержать ревностью – все обречено на обман или на... разрыв».

«Ненависть скрывай – любовь показывай», – изрек он же после многих старательно замаранных слов.

«Любовь не схема, Юрий, – написала Зоя, – а сложное чувство. Любовь прежде всего союз двух душ. Вы не хотите простить ее, если даже она виновата. Не слишком ли жестоко? В вашей несчастной любви выражается не только отчаяние, а и мольба, желание возратить утерянное, не так ли?» И в ответ на трижды подчеркнутое слово «ненависть» вписа-

но рукой Зои: «А если это у вас в характере? Если и другого человека вы возненавидите? Если вы заставляете страдать, а сами требуете одного – рабства, подчинения, применения к вам, к вашей обстановке жизни...»

И это девочка так рассуждает! Почти ребенок, еще куклы целы, еще попадают в шкаф у ее распашонки! Никогда не поверил бы... Способна так рассуждать на запретные темы? Кто ее научил или разбудил?

Дальше – снова Зоя. Небрежно, нет, взволнованно, не следила за почерком, и обычный стройный ряд строк изломан:

«Дружить мужчина и женщина могут, но, на мой взгляд, это крайне неинтересно. Такая дружба – союз равнодушных и бестелесных. Какой же в ней прок? А если любить, то невзирая на условности. Зная, что любовь – и счастье, и несчастье, зная, что любовь приносит и страдания, и в большей мере, если наблюдать не через призму, а в упор, без всяких поправок и снисхождений».

«Да, не отрицаю – страдания могут закрепить любовь. Закрепить – заковать! Любые цепи есть неволя. Если горе? Взаимное горе?»

«Взаимно перенесенное горе укрепляет любовь больше, чем радость. Хорошее почти не оставляет следа».

Дальше ни строки. Летели фантастические птицы, похожие на птеродактилей, гнулись пальмы под ветром. Рисовала Зоя. Такое же, очень похожее, присылал ей, девочке, Дмитрий Ильич, ведя с ней переписку рисунками. Рассуждая с

чужим человеком, Зоя вспоминала свое детство.

Хотелось не плакать – стонать, рыдать. Никогда он не предполагал в себе такой сентиментальности. Звала кровь – детище, именно детище. Как его охранить?

Если вдруг в нее вцепится следствие – изранят, искалечат. Зачем он пригласил Лезгинцева, подтолкнул?

Зачем он везет с собой этот документ? Для чего или для кого?

Может быть, выбросить на том же девятнадцатом километре?

Бог мой, снова совпадение – и Зое девятнадцатый год. Если бы не трагедия, показалось бы, как великолепно разыгран спектакль. Судьба дочери все больше угрожала ему. Не беспокоила, а угрожала. Ему, отцу, слепому человеку. В памяти провихрили случаи самоубийства юнцов, и только из-за любви. Тот застрелился из дробовика, тот бросился в пролет, та отравилась, одну вытащили из-под автобуса, и, вся в крови, она вопила: «Пустите, дайте мне умереть!»

Проглядел самое главное. Лазал по колхозам, беспокоился, не осыпалась бы пшеница, не передержали бы рожь, учил хлеборобов статейками, а дочь проглядел. Некому было потрясти его, папашу, за шиворот.

Без стука открылась дверь. В овале зеркала появилась та же буфетная девица: малиновая кофточка, оголенные руки.
– Как обещала, гражданин пассажир. Не надумали?
– Нет.

– Все отвечают односложно.

– Естественно. Мы незнакомы...

– Живем-то в одной стране. – Девушка говорила вялым голосом. Посмотрелась в зеркало. – В международном вагоне нахал. Съел всю помаду. Ненавижу таких сытых котов. Дайте, просит, вашу руку, погадаю. – Она разжала пальцы, такие называют музыкальными. – Хиромант нашелся! – Позвенела монетами в кармане фартука. – Чего задумались? На меня не обращайтесь внимания. Я вообще кислятина. Рано седеете. Тоже не всё разлюли? Как вас величать разрешите?

– Не имеет значения. – Он с гнетущим любопытством вглядывался в девушку, искал сходства с дочерью. Какой она выглядит со стороны, для чужого глаза? Как ведет себя? После двусмысленных «любовных фантов» можно предположить разное.

– Мое имя стандартное – Валя, – продолжала девушка. – Каждая пятая – Валя. Переменить на Виолетту, что ли? – Она подкрасила губы у зеркала. – Начальник поезда сказал – на нашей линии столкнули человека с электрички...

– Стокнули?

– Не сам же.

– Вы не знаете подробностей, Валя?

– Заинтересовались. – Девушка неторопливо подправила карандашиком ресницы, поставила на щеке мушку. – Живет человек, никому не нужен. Попал под бандита, сразу понаехали. Офицер, говорят, морячок, чуть ли не герой.

– Фамилию не называли?

– Называли. Не русский. Лезгин, что ли? – Она небрежно кивнула на прощание.

4

Мужчина в теплой пижаме и туфлях гуцульской расшивки пристально всматривался в окно. Половина лица его и руки хранили явные следы ожогов. Дмитрий Ильич поклонился, отодвинул шторку. Мужчина обрадовался живому человеку, разговорился. Ему пришлось воевать в этих местах. Судя по погонам на висевшем в купе кителе, дослужился до полковника.

– Свыше двадцати лет сюда не попадал. И надо же так разбушеваться! Только ведъм не хватает. Ничего не вижу. Начинал я здесь юнцом, а теперь дочка на выданье. Время-то изуверски быстро летит. Глянь-поглянь, уже плешь намечается, брюшко выпирает. А я люблю армию. Мне уйти в отставку, на пенсию – удар. Вы не из военных?

– Нет. Журналист.

– Журналист? Отлично. Я бы мог вам таких сюжетов подбросить... Если взять только мною пережитое – «Война и мир», честное слово...

Дмитрий Ильич покорно выслушал десятиминутный красочный рассказ об одном танковом бое, извинился, спросил:

– Вы не слыхали подробностей? Кого-то столкнули с по-

езда.

– Столкнули? С нашего?

– С пригородного.

– Пьяный, наверное, вывалился. – Полковник брезгливо улыбнулся, замаял окурки в пепельнице. – Пьют как лошади. Владимир Красное Солнышко разрешил питье для веселья, а не для ЧП. Вы, я вижу, не склонны выслушивать воспоминания ветерана. Да и понятно. Скучно. Экспрессы, буфеты, мягкие вагоны, а тут – о крови, о слезах, о солдатчине. Спокойной ночи!

«Один принимает за алкоголика, другая – за морячка-лезгина. Эх ты, Юрий, Юрий!..» – размышлял Дмитрий Ильич, готовясь на боковую. Купе почему-то напоминало ему каюту подводной лодки. Очевидно, от запаха линкруста, теплых труб, ритмичного гула движения. И дышать хотелось глубже, как там, полной грудью.

За дверью раздался чей-то знакомый голос, искавший «товарища Ушакова». Проводник предупредительно постучал, попросил разрешения войти. Дмитрий Ильич застегнул пижаму, сбросил защелку, и в тот же миг в купе ввалился огромный, барственно важный Ваганов.

– Дмитрий Ильич, миллион раз прошу извинить! – Ваганов полуобнял Ушакова, ткнулся щекой, причмокнул в воздухе. – Идите, милый! – Он сунул рублевку проводнику.

Ваганов был в невероятной заграничной куртке, выстеганной по пурпурному фону атласистой ткани. Его заметно по-

седевшие кудри вились над высоким белым лбом, сочные губы были полуоткрыты, и ослепительная улыбка украшала его лицо.

– Шестое муравьиное чувство подсказывает, меня подзабыли. – Ваганов присел на противоположный диван, смял вдвое подушку, засунул за спину, потер ладони. – Фамилию, не сомневаюсь, помните. А остальные прибавки лежат не в первых рядах таблицы Менделеева. Кирилл Модестович к вашим услугам!

Дмитрий Ильич попытался сохранить спокойствие, хотя появление Ваганова было для него неожиданным и тревожным.

– Чему обязан, Кирилл Модестович? – Ему не хотелось встречаться с ищущими и сразу же потерявшими покой глазами Ваганова.

– Прошу извинить. – Ваганов снизил голос, выключил верхний свет. – Общность наших интересов требует уточнений...

– Прошу не так туманно...

Ваганов потянулся к нему всем корпусом, колени их почти сошлись. Каждое его слово, по-видимому, заранее взвешенное, приобретало знобкий смысл.

– Вас, Дмитрий Ильич, насколько я догадываюсь, тоже вызывают по делу Лезгинцева. – Не дожидаясь ответа, он продолжал: – Вас – понятно! Вы соприкасались с ним непосредственно. Плавали вместе, дружили, насколько мне известно.

А зачем я понадобился? Ума не приложу. У меня с ним были рядовые, служебные дела. Как и всегда, по новому проекту. Мало ли приходится нам, поставщикам, иметь дел с нашими заказчиками!

Ваганов скорбно улыбнулся, отодвинулся, снова затискал подушку за спину, вытащил трубку, принялся набивать ее табаком. Его пальцы дрожали.

– Чего вы молчите? – Ваганов не мог удержаться. Окаменевшее лицо Ушакова его пугало. Он видел упрямые губы, сильную челюсть, изломанную от напряжения бровь.

– Что бы ни случилось, товарищ Ваганов, хоть земля тресни... а вам... лишь бы не меня. Как, мол, мне? Вдоль или поперек щели?

– Конечно, я понимаю. Вы шутите... – неодобрительно промямлил Ваганов. – Однако поставь любого на мое место...

«Почему ты волнуешься? – думал Дмитрий Ильич, слушая его оправдания. – Что же мне тогда делать? Тебе безразличен заказчик Лезгинцев, а я-то его любил. Для меня он не просто один из многих. Дочь стоит рядом».

Молчание Ушакова заставляло Ваганова изыскивать новые ходы, излишне подробно объяснять и доказывать, а вернее всего – и в первую очередь, – отрешиваться из-за позорного, дворняжного чувства трусости.

Он попытался закурить, заметил неудовольствие на мрачном лице своего собеседника, погасил спичку.

Снег стал гуще, польдистей, застучал в стекла. Ваганов задернул до конца шторку, чертыхнулся в законное пространство и продолжил свой нудный скулеж, усугубляя дурное настроение Дмитрия Ильича.

Сухо, не скрывая неприязненного отношения, Дмитрий Ильич спросил:

– Вам-то чего беспокоиться? Судя по всему, ваша хата с краю, товарищ Ваганов.

– Вы отчасти правы. Но на Востоке говорят, если хотят обвинить человека, то и помет его осла припишут ему. Я не боюсь за свое доброе имя, но если предадут гласности...

– Ваше имя, насколько мне известно, под забралом?

– Сегодня под забралом, завтра начнут таскать профилем по асфальту... До боли в печени ненавижу всякие следствия, допросы, протоколы. По-видимому, у меня скрыт психический импульс, срабатывающий на любую закорючку.

Виноватые оправдания настораживали, заставляли более придирчиво покопаться не только в «психических импульсах» Ваганова.

– Вам известны подробности?

– Какие, разрешите спросить?

– Подробности, проливающие свет на любое преступление.

– Разве совершено преступление?

– Ходят слухи, его толкнули, – Ушаков продолжал наступать, – или вам известно другое?

Ваганов овладел собой. Теперь он держался более независимо и даже полувраждебно. Перемена произошла слишком быстро, чтобы не возбудить подозрений у Дмитрия Ильича, привыкшего иметь дела с людьми разных категорий и характеров.

– Извольте, я передам вам дошедшие до меня подробности, если они вам не известны. – Ваганов бесцеремонно закурил. Его брови застыли, глаза похолодели. – Лезгинцев поехал к матери, – Ваганов назвал поселок, – пробыл у нее несколько дней, ни с кем не встречался, якобы над чем-то работал. Потом уехал пригородным и в Ленинград не вернулся. Тело его обнаружил путевой обходчик Сивоконев... – Ваганов проверил по записной книжке фамилию, повторил ее, будто это имело значение. – Сивоконев позвонил по начальству. К месту происшествия выехала оперативная группа. Возглавлял ее... – Ваганов подвинул под самый нос Дмитрия Ильича записанную размашистыми буквами фамилию. – Я без очков. Финогенов?

– Да, Финогенов. – Дмитрий Ильич вскипел: – На кой черт мне знать эти фамилии?! Значит, его убили?

Ваганов оглянулся, забеспокоился, приложил палец к губам:

– Вы сумасшедший! Чего вы кричите? Убили, убили... Чепуха какая-то.

– Все говорят, столкнули...

– Мало ли чего. – Ваганов выколотил трубку. Его лицо на-

половину освещалось настольной лампой, породистое и, пожалуй, волевое лицо. Губы, резко очерченные, высокий, от-лично вылепленный лоб, брови черные, взлет над жесто-кими глазами.

После встречи в Юганге прошло немного, примерно око-ло двух лет. Время не тронуло его, лишь прибавило седины: в перец погуще подсыпали соли. Ваганов не потерял зрелой мужской красоты и то прежнее, «паратовское», по-видимо-му, укрепилось еще сильнее в манерах, поставе головы, ин-тонациях размеренной речи, с теми самыми снисходитель-ными нотками, многозначительными паузами, которые от-личали и раньше этого удачливого, самонадеянного челове-ка.

Ваганов намекнул на «достоверные каналы», позволив-шие ему узнать подробности дела. При вскрытии трупа алко-голя не обнаружили и явных следов насилия тоже, хотя были ушибы: «Естественно, слетел на полном ходу». Из докумен-тов у Лезгинцева пропало только служебное удостоверение.

– А работа? – спросил Дмитрий Ильич.

– Какая?

– Он же над чем-то работал, будучи у матери.

– Вы думаете?

– Вы сами сказали.

– Давайте на всякий случай уточним, Дмитрий Ильич, – сказал Ваганов. – Якобы... якобы над чем-то работал. Тако-ва версия, не мною придуманная. – Ваганов поднялся. – Ес-

ли мне память не изменяет, Юрий Петрович отличался аккуратностью и... осторожностью. Кто-то мне рассказывал, чуть ли не сам адмирал Бударин, у Лезгинцева однажды выкрали секретный документ и после того он дул на воду. Таким образом, международный империализм и его коварство отпадают. – Ваганов улыбнулся краешком губ. – Присутствует еще одна версия, Дмитрий Ильич, любовная. Как вам это нравится? Лезгинцев в роли пламенного любовника! Я лично с трудом представляю. Не тот гусар, далеко не тот... В общем, старо как мир. Как говорят французы – ищите женщину.

5

Ночь прошла беспокойно. Не для красного словца произнес Ваганов последнюю фразу. Подобные люди даром пороха не тратят. Рано утром Дмитрий Ильич прошел в международный вагон, разыскал Ваганова, потрескивающего электрической бритвой.

– Прекрасно, – не отнимая бритвы от щеки, сказал Ваганов, – я так и предполагал. Нам выгоднее обойти лужу, взявшись за руки, а не толкать туда друг друга.

Дмитрий Ильич распутал теплый шарф.

– Насчет женщины, Кирилл Модестович... Вы кого имели в виду?

Ваганов принялся за обработку второй щеки, устроив-

шись так, чтобы в зеркале видеть своего раннего гостя.

– Объясню. – Длительная пауза не предвещала ничего доброго. – Я имел в виду вашу дочь.

– Мою дочь?

– Отцы узнают последними. – Ваганов явно торжествовал. – Две недели сплошного донжуанства не могли пройти мимо любопытных. Лезгинцев, кстати сказать, и не таился. Ему импонировало...

– Перестаньте... Не продолжайте, старый, отвратительный циник. – Дмитрий Ильич сжал кулаки, терпению его приходил конец.

Ваганов выключил бритву, насупился, рогатинка морщин побежала на лоб, застыла.

– Я советую, Дмитрий Ильич, осторожней обращаться с такими выражениями. Вы можете не рассчитать свои силы. Прощаю вам только как отцу... – Он поднялся, принялся натягивать свежую, хрустящую от крахмала сорочку. – Могу повторить, либо обойдем лужу, либо... кто кого первый толкнет... Кстати, Танечка Лезгинцева, будем называть ее по-прежнему, только на первом этапе подняла шум. Сейчас она успокоилась, приведена в норму.

– Не вами ли? – выдавил Ушаков.

– Мной. Я первый ей позвонил. Утешил. Разъяснил. Узнал о том, что она разговаривала с вами и... привела вас к такой растерянности. – Он старательно вывязывал галстук, закрепил золотым прижимом, надел мягкий шерстяной жилет. –

Боюсь бронхита. Питер – простудный город. Вам пора собираться. Знаете, что я подумал? Не на девятнадцатом ли мы километре? Дальше Юрий Петрович не сумел, а мы катим и катим, черт возьми. У меня тоже иногда шалют нервы. Поддаваться нельзя. На том свете абсолютная безопасность, никаких неприятностей, а редко кто туда спешит...

В прескверном настроении очутился на перроне Московского вокзала Дмитрий Ильич. Прежней, приподнятой радости от встречи с Ленинградом не было. Все выглядело мрачно. От вагонов несло угарным дымком и перегретой смазкой. Люди, спешившие встречать прибывших, казались излишне учтивыми, а улыбки фальшивыми.

Невесело направился Ушаков к стоянке такси, думая о том, в самом ли деле Бударин забронировал номер или придется унижаться перед администраторами.

Его обогнал Ваганов со своими приятелями, rispetабельно одетыми представителями технической элиты, веселыми, с развевающимися шарфами невероятных расцветок и размашистыми жестами.

Из черной машины с желтыми фарами выскочил еще один, приехавший для встречи.

– Ми-илай! – Толстенький, шумливый, он шутовски подкатил к Ваганову. – Здравствуй! – Объятия. – Век тебя не видел, Кирилл! Повернись-ка! Ого, раздобрел, заважничал, столичная бестия! Спасибо, уважил глухую провинцию, обитель великого зодчества!

Дмитрий Ильич не выносил подобного громкоголосого, невесть откуда почерпнутого стиля поведения – ёрничество «бывших мальчиков». Он не стал вслушиваться в дальнейшие дружеские излияния. Ваганов и его приятели сели в машину, громко перекидываясь шутками.

Ушаков поднял воротник, направился к выходу в город в несколько поредевшей толпе.

За ним кто-то шел, не обгоняя его. Даже дыхание слышал, неровное, сдерживаемое. Он замедлил шаги, его не обогнали. Тогда он круто повернулся и лицом к лицу столкнулся с дочерью.

– Ты? – только и сумел вымолвить он внезапно окоченевшими губами.

Она пошла рядом, избегая его взгляда, пряча подбородок в пушистый мех.

– Я не могла поступить иначе, папа. Ты имеешь полное право сердиться. Извини меня...

Дмитрий Ильич еще не мог овладеть собой, заторопился, не отвечая на ее оправдания. Он еще и сам не знал, как поступить, как держаться.

– Я не помешаю тебе, – продолжала она настойчиво и отчужденно. – Остановлюсь у подруги. – Ее голос прозвучал суше. Она отстала.

– У тебя в Ленинграде подруга? – спросил он, подождав. – Что-то я не помню.

– Мама знает, – упрямо ответила Зоя. – Живет на Таври-

ческой.

На площади крутилась поземка. Сухой снег шелестел у ног, забирался под пальто.

Усевшись в такси, Дмитрий Ильич почувствовал озноб во всем теле. Машина повернула на Невский. Зоя смотрела через заиндевшее стекло на неприветливый, серый строй зданий, одинаково мелькавших перед нею. Ей тоже было зябко – не только от мороза. Ей не хотелось огорчать отца, но все же она решила настоять на своем. И это свое личное было для нее всего дороже.

– Попроси остановиться. Я здесь сойду. Вон за той остановкой.

– Ты поедешь со мной.

– Куда?

– В «Асторию».

– Самый лучший отель. – Зоя откинулась на спинку сиденья, щелкнула замком, открывая сумочку.

– И это ты знаешь?

– Немного... – Она посмотрела в зеркальце, поправила волосы. – Я тебя не стесню, папа?

– Меньше, чем свою подругу, – буркнул он, несправедливо приписав ей в уме сотню смертных грехов, возмущенный ее тоном, хладнокровием, этим зеркальцем, манерами зрелой девицы.

– Папа, – она прикоснулась мизинцем к его руке, – Юра... Юрий Петрович был моим другом. Разве ты не приехал бы

к своему другу, если бы... – Она не договорила, отняла мизинец, натянула перчатку. – Я постараюсь быть незаметной. Попытаюсь не попадаться ей на глаза.

– Кому ей?

– Его мадам!

– М-да, – протянул Дмитрий Ильич, он тяжело задышал. – Где ты набралась?.. Проглядел, проглядел. Не делает мне чести.

Машина свернула на улицу Герцена. Старые, красивые здания пробегали с обеих сторон. Плотно, стена к стене, будто нависшие скалы в горном ущелье – предмет прежних раздумий и строгих восторгов, – теперь здания давили, угнетали. Город оборачивался чем-то иным, ранее скрытым.

– Паспорт я захватила. В отеле понадобится.

– Тебе известны порядки?

– Догадываюсь... – Она передернула плечами. – Возьми.

В гостинице был забронирован номер. Зоя стойко выдержала проверку взглядом женщины-администратора, пока отец заполнял анкеты.

Через вертушку застекленных дверей ввалилась компания Ваганова. Их почтительно встретил швейцар, открыл дверь бокового лифта.

– Пешком, только пешком! – приказал Ваганов. – Никакой механизации!

Кинув взгляд на сидевшего у столика Дмитрия Ильича и Зою, Ваганов с самонадеянностью расшалившегося жуира

послал ей воздушный поцелуй.

– Тебе он известен? – спросил Дмитрий Ильич, когда они вошли в свой номер.

– Известен.

– Откуда?

– Он ехал в нашем поезде. Девушка из буфета назвала мне его фамилию и довольно нелестно о нем отозвалась. Ты опять удивлен? – Зоя провела рукой по седеющим вискам отца. – Ты сам рассказывал историю с ним. Мадам пыталась сбежать с этим... – она вовремя остановилась. – Хотела из-за него бросить Юрия...

Зоя потупилась. Ее ресницы «в полщеки» вздрагивали. Пальцы теребили скатерку.

– Тебе я ничего не говорил о нем.

– Тогда у нас была одна комната. Какие могли быть секреты? – Она сняла шубку, осмотрела спальню, ванную. – Здесь недурно. Но есть номера лучше... – Поправилась: – Предполагаю...

Дмитрий Ильич вызвал буфет. Расторопный, сметливый официант скороговоркой изложил сведения о продовольственных возможностях ресторана, набрасывая белую скатерть.

– Простите, – остановил его Дмитрий Ильич, – вы принесите нам что-нибудь легонькое, не обременительное для вас, замечаю – вы куда-то торопитесь. Сосиски, бутылку кефира и кофе...

– Мне слоеные пирожки. – Зоя вышла из спальни. – У вас вкусные пирожки...

Ничто не ускользнуло от настороженного отца: ни нагловатый взгляд официанта, которым он по-заговорщицки обменялся с Зоей, ни вспыхнувшие уши и неловко скрытая растерянность дочери.

Официант удалился крылатой походкой.

– Ты здесь бывала?

– Да! – ответила она. – Теперь это не имеет значения. – Она приготовилась к сопротивлению. Отец не поймет ее. Все длиннее становились между ними расстояния, глуше и невнятной разговаривали они друг с другом, да и некогда – каждый занимался своим.

– Не имеет значения... – потерянно повторил он поразившую его фразу. Потер лоб, передернул плечами.

Ничего в нем не было угрожающего, ничего отцовского. Ей стало жалко его. Теперь она острее почувствовала свою вину перед близким, родным человеком.

– Юрия нет и не... будет. Некого упрекать, обвинять, папа... – Она беззвучно зарыдала. Ненадолго хватило сопротивления.

И у отца иссякла злость. Перед ним – его дочь, и он первым должен прийти ей на помощь.

– Успокойся. – Он усадил ее на диван, помог достать платок, гладил ей плечи. – Ты можешь ничего больше не объяснять. Я понимаю, тебе тяжело... Разберемся, обдумаем...

– Нет. – В ней было многое разбужено. – Чтобы ты дурного не думал, я расскажу... – Она потерла обеими руками лоб, щеки, шею, сосредоточилась.

В соседнем номере кто-то долго и крикливо разговаривал по телефону. Близко гудели лифты. В окне мутно вырисовывались заиндеветшие от влажного мороза колонны и капители Исаакия.

Короткая улица за собором приведет к Матросскому клубу, где лежит Лезгинцев. А здесь... Неужели сейчас будет раскрыта ранее скрываемая тайна? В нем поднимался инстинкт самосохранения, и мозг продолжал работать в одном направлении. Только в одном: как сохранить покой в семье?

– Помнишь, когда Юрий был в Москве, я отпросилась к подруге в Малаховку на два дня? – Она говорила ровным голосом, глядя в одну точку прищуренными глазами, сложив руки ладошка к ладошке. – Мы отправились «Стрелой» в пятницу, вернулись утром в понедельник. Я не признавалась даже маме. Наш обман мучил и его. – Она подыскивала подходящие слова для объяснения самого главного. – Ничего дурного не случилось. Юрий был честный, порядочный человек... Если говорить откровенно, я жалею... Может быть, это остановило бы его, связало с жизнью, ниточка много значит...

Завтрак подала пожилая буфетчица.

Зоя умело хозяйничала за столом.

– Мы сразу поедем к нему?

– Конечно.

– Если тебе неудобно, я приеду сама.

– Туда пешком десять минут.

– Тем более.

– Пойдем вместе. – Он попросил: – Только не делай глупостей.

– Что ты имеешь в виду?

– По отношению к... мадам, как ты ее называешь.

– Не волнуйся, папа. Я ничем не огорчу тебя. – Она допила кофе, сама собрала посуду, поставила ее на шкафчик.

Отец достал тетрадь.

– Возьми. Я хотел выбросить.

– Напрасно. – Она взяла тетрадь, перелистала задумчиво, подняла глаза. – Единственная память о нем, о живом. Он называл это гимнастикой мысли... Не думай плохо о нем. Что угодно обо мне, только не о нем... Вряд ли я встречу в жизни такого...

– Столько молодежи! – резко возразил отец.

– И среди молодежи есть разные люди. В ином – пустота, пижонство, самомнение. Всего на копейку, а корчит... Он любил меня. И я любила...

– Он женат!

Зоя хладнокровно переждала, надела шапку.

– Ну и что? Разве для любви существуют преграды? – Она подошла к окну, откинула штору. На площади вздыбился всадник. Казалось, он скакал. Иллюзию создавала метель. –

И потом, на ком он был женат? Кто ее идеал? Ваганов. А Юрий был чистый, необыкновенный. – Глаза ее были сухи, щеки горели. – Пойдем скорее к нему, папа. – Она стала торопливо одеваться.

До самой площади Труда они молчали. Шли быстро по комковатому затоптанному снегу, будто боясь опоздать. Постепенно улица посветлела, как бы раздвинулась, показалось здание Матросского клуба. Возле него – люди, автобусы.

– Ты иди, папа, – предложила Зоя, – а я сама, чуточку позже.

– Оставь, пойдем вместе.

– Нет-нет, так будет лучше. – Она уткнулась в воротник. Иней от дыхания забелил мех и брови. – Не связывай себя, папа. Тебе нужно кое с кем встретиться, поговорить – буду обузой.

Зоя затерялась в толпе. Одних привело сюда любопытство. Узнав, кого будут хоронить, они оставались поглазеть. Другие уже прослышали некоторые подробности и горели желанием узнать побольше, посудачить, высказать свои догадки.

Пока отец не поднимется, она останется здесь, решила Зоя. Потом и она пойдет туда.

Невдалеке серели какие-то старинные сооружения и здания. За ними по мосту лейтенанта Шмидта угадывалась Нева.

Курсанты в черных шинелях сгрудились поближе к входу.

Держались независимо, браво. Молодые люди, они, должно быть, меньше всего думали о смерти. Вот одна группа построилась и направилась за главстаршиной, на ходу объявлявшим какие-то инструкции. Зоя пошла вслед по широкой лестнице, слышала впереди себя стук курсантских каблучков по ступенькам. И, наконец, тихие, осторожные звуки оркестра.

Люди мешали ей увидеть его. Выше всех, над головами, среди белых тюльпанов и махровых гвоздик, – портрет Юрия, живого, доступного, с улыбкой, тронувшей губы. Таким она несла его в своей памяти, таким он предстал перед ней, и теперь ей было почти все остальное неважно, она пришла к нему и его увидела.

Слезы помимо воли текли по ее щекам; глаза были открыты, и лицо неподвижно.

Она видела Юрия, того, на портрете. Траурная лента ни при чем. Такой был с нею рядом: писал в коричневой тетрадке, зачеркивал, снова писал, ну, словно мальчик-девятиклассник, стыдливо робеющий от прикосновения косички наклонившейся рядом подружки.

Юрия нет! И не будет больше. Она никогда не услышит его голоса, не увидит руки, пальцев его, заалевшего уха, косо подстриженного виска. Живой Юрий, а не тот, еще неведомый ей, утонувший в цветах. А ведь он бегал за одной-разъединственной красной гвоздикой. Тогда, на вокзале. А теперь – щедрые букеты. Зимой... Пили шампанское... Буда-

рин? Да, адмирал с отяжелевшим подбородком и оплывшими щеками, только что ставший у изголовья... Бударин тогда хохотал, дурачился, требовал «горько», а Юра смущался, отнекивался – так и не поцеловались.

Зоя приподнялась на носки и из-за спины человека в гражданской одежде, стоявшего напротив Бударина в почетном карауле, увидела чужое, бледное до голубизны лицо. Нет, не он. Неужели смерть настолько безжалостно расправляется, искажает по образу своему и подобию, не оставляя никаких надежд, глумясь над памятью?.. Подкатили спазмы, рыдание застряло, не вырвалось...

Сменой военного караула деловито занимался капитан второго ранга с начищенными пуговицами, с повязкой на рукаве. Из соседней комнаты выходили курсанты Высшего военно-морского училища подводного плавания имени Ленинского комсомола, все как на подбор – мужественные, широкоплечие, с воронеными автоматами на груди.

Слева среди женщин сидела Татьяна Федоровна. Недобрая цель посмотреть на нее хотя бы издалека потеряла значение. Что изменится? Кому станет лучше или хуже?.. Жену утешают, подали воды. Она еле-еле прикоснулась к стакану губами, поправила траурный прозрачный шарф, пикантно прикрывавший высокую прическу. Зоя не хотела замечать заплаканных глаз и горя, продолжала несправедливо думать о ней, о мадам, обвиняя ее не только в смерти Юрия, но и в своей надломленной судьбе. Девятнадцать лет – страшный,

беспощадный прокурор.

Какое право имеет Ваганов стоять возле гроба бессовестно, с поднятой головой? Почему отец не отказался пойти с ним в одной четверке? Скачущие мысли на какое-то время заслонили горечь утраты. Зою оттеснили почти в самый угол, откуда мертвого Юрия и совсем не увидеть. Шепотом передавали слухи о результатах вскрытия, погуливало слово «переоблученный». Строили догадки – «столкнули», «таких героев запросто убирают». Зоя невольно вслушивалась. Разговор двух женщин заставил ее покраснеть, как говорится, до корней волос. Называли причиной смерти любовь, негодовали против «разлучницы-девчушки».

Зоя протиснулась подальше от злоязычниц.

У гроба сменялся караул. Подошла очередь командира «Касатки» Волошина, штурмана Стучко-Стучковского, замполита Куприянова и адмирала Топоркова. Фамилии называл – Зоя слышала – начальник караула миловидной женщине с открытым русским лицом и теплыми, приветливыми глазами. Она приехала с товарищами из городского исполкома, чтобы отдать последний долг покойному.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.